

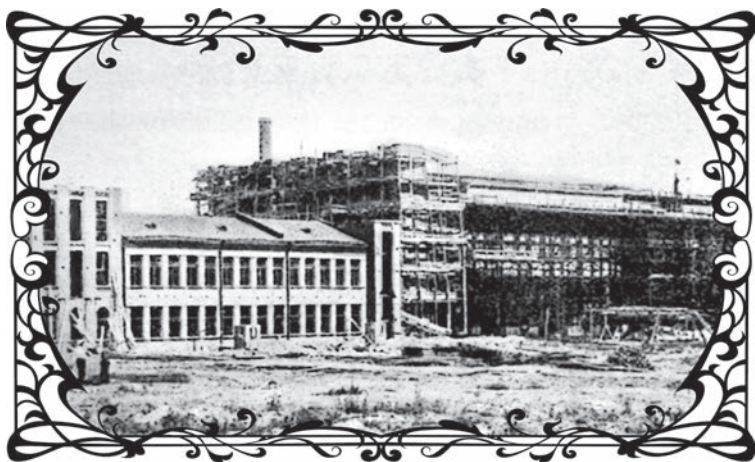
• ПЕТРОРОМАН •

Црчина Лобусова

Оперного театра букет из



Харьков
«Фоліо»
2017



Одесса, весна 1918 года

ГЛАВА 1

В павильонах кинофабрики «Мирограф». Синяя орхидея. Последняя сцена мадемуазель Карины. Кража алмазов Эльзаканиди

Яркие лампы съемочных камер выключили, и по павильону кинофабрики тут же разлилась пленительная прохлада, пришедшая с моря. В перерыве между съемками стоял такой шум, что сложно было не только понять какие-то слова, но и перекричать этот оглушающий, пестрый и все же пленительный хор. Стая девушек-статисток в шелковых шальварах толпилась вокруг помощника режиссера, пытаясь шутками привлечь его внимание.

Снимали восточную драму из жизни персидского шаха под рабочим названием «Любовь и смерть», и

съемочные павильоны были разукрашены разноцветными шелками костюмов актеров, которые, тем не менее, все равно нельзя будет разглядеть в фильме, ведь там были только два цвета — белый и черный, и пестрые, многоцветные в жизни одеяния статисток сливались в фильме в единую темную полосу.

Актрис, изображавших наложниц шахского гарема, было не много — большая массовка еще не помещалась в кадр, несмотря на то что некоторые экспериментаторы изо всех сил пытались расширить возможности камер, работая и с движением, и с ракурсом. Однако это было достаточно сложно. Из-за дороговизны киносъемочной пленки сцены снимались сразу набело, без всяких подготовительных дублей и кадров, а потому делать это приходилось с того самого ракурса, который был самым удачным в предыдущий раз. Фильмов снималось много, и работа операторов была доведена почти до автоматизма, чтобы не тратить лишнее количество драгоценной пленки, а сразу выдавать готовый качественный результат.

Больше всего все актеры, участвующие в сценах фильма, обожали момент, когда на съемочной площадке выключали лампы-прожектора, которые были такими горячими, что могли обжечь кожу. От них немилосердно растекался грим, и лица сразу становились похожими на подтаявшую восковую маску. И его снова и снова приходилось поправлять.

Когда же выключали лампы и камеру, и режиссер подавал знак, что сцена снята, в воздухе тут же разли-

вался благодатный шум того неповторимого мира, который навсегда изменял жизнь тех, кто хоть раз прикоснулся к нему.

Это за стенами павильонов кинофабрики свирепствовали разруха, голод, война, погружая рухнувший мир в пучину отчаяния и хаоса. Здесь же царил мир совершенно другой — живущий по своим собственным законам, не имеющий ничего общего с печальной реальностью.

Двое мужчин прогуливались вдоль дорожек сада, окружавшего стеклянный павильон. Стояла середина весны, воздух был кристально чистым и свежим, в нем только-только появился аромат распускающейся зелени, особенно остро и пряно чувствовался именно здесь. Павильоны кинофабрики специально были построены в самом красивом месте, над морем, с тем, чтобы внутри всегда был самый лучший свет. А полоса далекого моря с обрывом казалась сказочным царством вдохновения, способным побудить к любым подвигам. В том числе и к самым тяжелым в новом виде искусства, которое только пришло в мир.

Но несмотря на красоту, мужчины были сосредоточены и хмуры, и, судя по выражениям их лиц, они не замечали ни красивого весеннего дня, ни моря, сверкающего, как драгоценность в свете солнца, ни даже стайки кокетливо одетых в восточные костюмы девиц, которые все норовили специально попасться им на глаза.

— Не нравится мне все это... — хмурился деловитый и серьезный режиссер фильма, молодой мужчина

рисе были рассыпаны охапки цветов. На груди Карины лежали синие орхидеи...

Она лежала неподвижно, не шевелясь. Замерли и все, кто протиснулся в комнату. В этом зрелище было что-то столь пугающее, настолько жуткое, что в первый момент никто даже не смог ничего произнести, всех сковал какой-то первобытный, леденящий кровь ужас.

Чувствуя, как ужас охватил и его, режиссер дрожащим голосом, запинаясь, произнес:

— Мадемуазель Карина... Вам нехорошо? Вы больны?

— Она спит? — с придыханием всхлипнула за его спиной какая-то статистка.

— Немедленно позовите Харитонову, —скомандовал режиссер помощнику, и тот со всех ног бросился выполнять приказ, радуясь возможности поскорей сбежать из страшной комнаты. В ожидании владельца студии все столпившиеся внутри комнаты были похожи на перепуганных овец, никто не осмеливался приблизиться к лежащей актрисе.

Харитонов появился достаточно быстро. Растолкав толпящихся в дверях, он бросил через плечо режиссеру: «Что это она еще вздумала?» и быстро подошел к кровати. Режиссеру не оставалось ничего другого, кроме как буквально поползти за ним.

Харитонов откинул с лица Карины вуаль, цветы при этом рассыпались по кровати. И заметно вздрогнул, разглядев на ее груди синие орхидеи.

Под откинутой вуалью было черное, перекошенное лицо с белыми выпученными белками глаз...

— Она задушена... — Голос Харитонов дрогнул. — Нужно сообщить властям...

Кто-то вскрикнул. Одна из статисток шумно упала в обморок. Режиссер увидел, что на шее Карины намотан черный женский чулок, которым, по всей видимости, ее и задушили.

— Мать Божья... спаси нас... — Он не особо верил в Бога, но просто не находил других слов в такую страшную, отчаянную минуту.

Внезапно Харитонов вздрогнул, словно что-то вспомнив, и бегом бросился в свой кабинет. Режиссер последовал за ним. В кабинете владелец студии быстро открыл сандаловую шкатулку. Глазам всех присутствующих открылся пустой черный бархат, которым была обита шкатулка.

— Алмазы исчезли! Они похищены! — во весь голос крикнул он.

Только тогда на студии началась паника — все принялись куда-то бежать, что-то кричать, поднялся невообразимый шум.

— Это женщина. Девушка с синими орхидеями, которую я видел в коридоре, — зло произнес Харитонов. — Вот что она делала — воровала драгоценности! Карина, возможно, случайно увидела это. Девушке пришлось ее задушить. А потом она инсценировала всю эту жуткую сцену. Наверное, задушила Карину в комнате, чтобы не тащить труп. Не забывайте, ее удавили женским чулком. Значит, убийца женщина. Воровка драгоценностей. Та самая...